

К. Касториадис

«Рациональность» капитализма¹

*Вассилису Гондикасу,
этому ходячему олицетворению способности суждения*

В эпоху, когда официальные показатели безработицы достигли во Франции трех с половиной миллионов человек и составили более 10 процентов от всего активного населения стран еврозоны, в эпоху, когда европейские правительства отвечают на создавшуюся ситуацию упрочением таких дефляционных мер, как снижение бюджетного дефицита, разговоры об «экономической рациональности» современного капитализма кому угодно покажутся чудачеством. Если же принять во внимание невероятный идеологический регресс, поразивший общества Запада с конца 1970-х гг., подобные разговоры окажутся не таким уж чудачеством – точнее, чудачеством покажется нечто другое. Кое-что из общепринятых истин, таких как убийственные критические выпады кембриджской школы в адрес академической политико-экономической теории 1930–1965 гг. (Пьеро Сраффа, Джоан Вайолетт Робинсон, Ричард Фердинанд Кан, Джон Мейнард Кейнс, Михаль Калецки, Джордж Леннокс Шарман Шекл, Николас Калдор, Луиджи Лодовико Пасинетти и др.), не было рассмотрено и опровергнуто, а было попросту встречено молчанием, после чего предано забвению, тогда как вполне прижились некоторые наивные и претенциозные вымыслы вроде «классической политэкономии» или «монетаризма», и к тому же подпевалы неолИБерализма изображают в виде общеизвестных и несомненных фактов свои собственные аберрации, а между тем почти повсеместно абсолютная свобода движения капитала разрушает целые отрасли промышленности, и мировая экономика превращается в казино общепланетарного масштаба.

Этот регресс не ограничивается сферой экономики. Почти столь же пагубное воздействие имеет он на политическую теорию (принцип «представительной демократии» стали считать чем-то безупречным и необсуждаемым как раз тогда, когда он начал терять былую респектабельность в странах, имеющих опыт представительного правления) и вообще на общественные науки и гуманитаристику; свидетельство тому мы находим в нынешнем сциентистско-позитивистском наступлении на психоанализ, набирающем силу в Соединенных Штатах с начала 70-х гг.

Социально-исторический фон описанной регрессии виден невооруженным глазом. Он следует за социально-политической реакцией, продолжающейся с конца 70-х гг.; во Франции ее главной опорой были «социалисты». Пока ничто не позволяет нам говорить об окончании регресса – разве что предугадать, что в далеком и туманном будущем этот новый курс капитализма проявит тенденцию к саморазрушению. Но и эта перспектива не приносит утешения, ибо на повестке дня стоит нечто гораздо большее, чем крушение капитализма; достаточно обратить внимание, помимо прочего, на опасность разрушения окружающей среды в общепланетарном масштабе. Это делает императивной задачу осуществления критического анализа происходящих изменений. Однако не эта задача является главной для настоящей статьи.

Капитализм – первый социальный строй, идеология которого содержит требование «рациональности». Другие типы общественных институций опираются на мифические, религиозные или традиционалистские основания. В данном же случае утверждается существование «рационального» типа легитимации. Но в действительности подобный критерий – критерий рациональности (в отличие от освященности опытом или традицией, данности богами и т. п.) – *установлен* капитализмом. Между тем все происходит таким образом, будто факт недавнего происхождения этого критерия не релятивизирует его, а наоборот, делает его бесспорным. Но как бы мы ни отмахивались от этой стороны дела, нам не избежать вопроса: что в таком случае есть рациональность и с какой именно рациональностью столкнулись мы сейчас? Капитализм способен принимать определенную разновидность гегельянства: разум, как утверждал этот старый учитель Маркса, есть действие, направленное к определенной цели. Следовательно

но, разумность как критерий рациональности есть *соответствие* действия цели. Тем самым мы как бы избавляем себя от необходимости задаваться вопросом относительно рациональности самой цели. Ясно, что этот тип рациональности, ограничивающийся рассмотрением средств, – любопытно, что Макс Вебер называл ее *Zweckrationalität*, а именно *целерациональностью* (цель полагается уже данной), т. е. инструментальной рациональностью – не имеет собственной ценности. Выбор наилучшего яда для убийства собственного мужа или наиболее эффективной водородной бомбы, с помощью которой мы намерены стереть с лица земли миллионы людей, – подобный выбор самой своей «рациональностью» усиливает чувство ужаса, вызываемое в нас не только этой целью, но и средствами, позволяющими достичь ее с максимальной эффективностью. Однако в своем наиболее филантропическом аспекте капиталистическая идеология содержит притязание на осуществление такой «рациональной» цели, как «благосостояние», «благополучие». Специфика подобных притязаний заключена в том факте, что обретение благосостояния, благополучия оказывается здесь тождественным достижению экономического максимума, оптимизации экономики; стало быть, это притязание равнозначно утверждению, что благосостояние, благополучие обязательно (или с высокой долей вероятности) явятся следствием указанной максимизации или оптимизации. Тем самым рациональность прямо или косвенно сводится к «экономической» рациональности, последняя же определяется как чисто количественный способ установления максимизации/минимизации – максимизации «продукта» при минимизации «затрат». Что же до решения о том, каким должен быть «продукт» и как таковой надлежит оценивать, его, очевидно, должен принимать правящий режим одновременно с решением вопроса о выборе «средств» и об их количественной стороне².

Отметим, что об относительности избираемых каждой культурой критериев нам известно еще от Макса Вебера (это если не вспоминать Геродота). Каждое общество одновременно выбирает для себя не только определенные институциональные основы, но и их «легитимацию». Такая легитимация (данный западный термин неадекватен, в нем уже заложен некий тип «рационализации») почти всегда носит неявный характер. Точнее говоря, она содержит в себе «тавтологию»: положения Ветхого Завета или Корана имеют

своим «обоснованием» то, что сами они и утверждают, а именно, что «есть только один Бог», и данные установления воплощают Его слово и Его волю. В других случаях – мы имеем в виду древние общества – аналогичным установлениям находится оправдание в том факте, что их дали предки, коих надлежит почитать и уважать, согласно заповедям, исходящим от самих означенных институтов. Столь же тавтологична рациональная «легитимация» капитализма: какой член этого общества, если только он не поэт и не мистик, дерзнет выступать против «рациональности»?

Круг, очерчиваемый институтом, конечно, представляет собой лишь частный случай круга сотворения. Институт не может существовать без утверждения собственного существования, грубая сила вообще способна выполнять подобную роль только в течение кратких периодов³. Можно отвлечься и спросить, каким в таком случае должно быть автономное общество, а именно общество, способное явно или неявно подвергать сомнению собственные институты. Очевидно, что в определенном смысле оно также не в состоянии покинуть этот круг. Это будет подтверждением того, что социальная и коллективная автономия «имеет право на существование и нужна». Определенно, она сможет обосновать свое существование, помимо прочего, собственными делами – в том числе антропологическим типом автономного индивида, которого она создаст. Но возможность позитивной оценки содеянного ею все же будет зависеть от тех критериев – вообще говоря, от сигнификаций социального воображаемого, которые она же и институтирует. Я говорю все это, чтобы напомнить, что после того, как все будет сказано и сделано, ни одна разновидность общества не сможет найти обоснования себе вне себя самой. Выйти из этого круга невозможно, так что из попыток сделать это не получится никакого основания для критики капитализма.

Следует заметить, что в последнее время штатные идеологи оставили попытки обоснования или легитимации режима. Они ограничиваются теперь указаниями на банкротство «реального социализма» – как если бы совершенное Ландрю являлось бы оправданием для совершаемого Стависки⁴ – и на показатели роста – там, где рост продолжается. Ранее, при написании трактатов об «экономике благосостояния», они вели себя более мужественно. Верно и то, что плачевное положение марксистских или псевдомарк-

систских профессиональных экс-критиков капитализма позволяет этим идеологам, в полном согласии с духом времени, отбросить всяческие претензии на серьезность.

Как бы там ни было, наша критика в основе своей будет имманентной. Это будет попытка показать, что на уровне теории построения академической политической экономики бессвязны или бессмысленны или годятся лишь для фиктивного мира; что на эмпирическом уровне реальное функционирование капиталистической экономики только отдаленно связано с тем, что говорится об этом в «теории». Другими словами, критика капитализма будет осуществляться в согласии с его же критериями. Последующее рассмотрение разбито на четыре части:

- специфика капиталистического установления и его общественно-историческая относительность;
- теоретическая идеология капиталистической экономики;
- истинная реальность капиталистической экономики;
- факторы, обеспечивающие производственную эффективность капиталистического общества и его общественно-историческую «живучесть».

Специфика капиталистического установления и его общественно-историческая относительность

Для всякого, кто берется обозревать историю, характерной чертой капитализма по сравнению с другими формами общественной жизни, несомненно, является позиционирование экономики – производства и потребления, а также, гораздо шире, «экономических критериев» – в качестве центральной сферы и высшей ценности общественной жизни. Королларием из этого будет конституирование специфически капиталистического социального «продукта». Короче говоря, вся человеческая деятельность и все ее результаты рассматриваются капитализмом в той или иной степени как экономическая деятельность и экономические продукты, или, по меньшей мере, они будут характеризоваться и оцениваться в сущности по их экономической составляющей. Стоит ли уточнять, что подобная оценка осуществляется исключительно в денежном выражении?

Этот аспект был со всей откровенностью признан уже в конце XVIII в., если не раньше. В обоснованиях современного безразличия к общественным делам и политике (например, у Адама Фергюсона в книге «Опыт истории гражданского общества», 1759 г., и Бенжамена Констана в работе «О свободе древних по сравнению с современной свободой», 1819 г.) фигурирует ссылка на центральную роль, которую играют в жизни современного человека экономические интересы. Певцами «индустриальной» или «позитивной» эпохи стали Сен-Симон и Огюст Конт. Отрывки из «Рукописей 1844 г.» К.Маркса, касающиеся преобразования всех ценностей в денежные стоимости, прекрасны и сильны, но и они в содержательном плане не выбиваются из общего для эпохи понимания (ср. с Бальзаком) – разве что они более едки и критичны. Вместе с тем характерен тот факт, что присущее тому времени ясное понимание историчности наблюдаемого явления быстро затушевывается апологетами нового режима, рекрутируемыми из числа экономистов. Освящение произошедшего приняло форму прославления капитализма, представляемого теперь как «рациональный» экономический режим, появление которого знаменует триумф разума в истории, оставляя предшествующим режимам беспросветную тьму «готики» (выражение аббата Сийеса) или первобытного строя. В их трудах историческое появление капитализма предстает эпифанией разума, тем самым ему пророчат безграничное будущее. Как писал Маркс, для них «история была раньше, но теперь ее нет»⁵.

Любопытно (а может быть, и не очень, если судить по тому, какие идеологические выгоды принесла эта позиция), что у экономистов, начиная с Давида Рикардо и вплоть до наших дней, было принято отрицать историчность капитализма. Политическая экономия и ее объект прославлялись как исследование «чистой логики» выбора или как изучение «способов размещения ограниченных средств в целях достижения неограниченных целей»⁶. Это должно было быть также исследование на тему, может ли подобный выбор (его критерии и его объект) делаться совершенно независимо от социально-исторической формы, в рамках которой его совершают. Исследование должно было проводиться так, как если бы оно касалось только экономики или, соответственно, как если бы экономика могла подчинить себе всю сопряженную с вы-

бором – от стратегии до хирургии – человеческую деятельность. Эта аберрация просуществовала до нашего времени: «экономики» и желание произвести экономический расчет присутствуют почти повсеместно, от образования до пенитенциарной политики. Ясно, что с этой точки зрения «образ мысли» экономической науки (далее это выражение пойдет без кавычек во избежание стилистической тяжеловесности) применим *de jure* и даже *de facto* ко всем возможным обществам.

В модифицированном виде эти идеи были возрождены в работах Фридриха Августа фон Хайека. О капиталистическом обществе утверждает, что оно зарекомендовало себя с наилучшей стороны: доказало свое превосходство над другими обществами с помощью дарвиновского естественного отбора. Полагается, что это общество оказалось единственным способным выжить в условиях борьбы с другими социетальными формами. Помимо того, что все это является нелепостью – я имею в виду приложение дарвинистской схемы к исторически существующим социальным формам (выживание сильнейших говорит лишь о способности к выживанию; доминирование капитализма говорит лишь о том, что он сильнее других в самом грубом и жестоком значении слова, а не о том, что оно является наилучшим или наиболее «рациональным», – «антиметафизик» Хайек проявляет здесь себя как наивульгарнейший гегельянец), мы знаем, что на деле все обстоит не так. Наблюдаемое в XVI, XVII и XVIII вв. представляет собой отнюдь не конкуренцию неограниченного числа режимов, над которыми одерживает победу капитализм, а загадочную синергию огромного числа факторов, ведущую к единому результату⁷. Ни для кого не является секретом то, что общество, основанное на высоких технологиях, впоследствии могло демонстрировать свое превосходство уничтожением наций и племен американских индейцев, тасманских и австралийских аборигенов и порабощением многих других народов.

Нет необходимости приводить здесь примеры и перечислять исследования, показывающие, что почти повсеместно в истории человечества развитие шло через режимы, при которых экономическая «эффективность», максимизация «продукта» и т. д. являлись препятствиями для основных видов социальной деятельности. Не то чтобы эти общества были поистине «иррациональными» с точ-

ки зрения организации труда или производственных отношений, но почти всегда, по достижении определенного технологического уровня, общественная жизнь начинает демонстрировать иную совокупность целей, нежели увеличение «производительности» труда при помощи технических изобретений или перестройки методов работы и производственных отношений. Данные отрасли человеческой деятельности были подчинены другим, либо интегрированы в другие отрасли, которые и рассматривались на данный момент в качестве воплощений основных целей человеческой жизни. И что самое важное, они не *разделялись* на «производство» и «экономику». Такое деление произошло довольно поздно и в основном совпало по времени с институционализацией капитализма, будучи осуществлено с помощью последнего и во имя его. Ограничимся здесь упоминанием работ о североамериканских индейцах Руфи Бенедикт, об обществах тихоокеанских островов (Маргарет Мид), об острове Бали (Грегори Бейтсона) и т. д., не забывая также о написанном Пьером Кластре о *тупи-гуарани* и Жаком Лизо о *яномамо*. В последнее время Маршалл Салинс представил весьма удовлетворительное синтетическое рассмотрение всей совокупности поставленных ранее вопросов⁸. Кроме того, сказанное не касается одних лишь «первобытных людей». К аналогичным выводам приводит нас экономическая антропология Древней Греции, равно как и средневековых обществ (Гуревич)⁹.

Все работы на тему появления капитализма в Западной Европе, какой бы ни была обоснованность каждой из них, ярко демонстрируют «случайность» этого процесса. Приведем в пример Макса Вебера, Вернера Зомбарта, Ричарда Тони и т. д. и т. п. Даже для такого убежденного сторонника «исторической необходимости» как таковой и необходимости капитализма в частности, каким был Кард Маркс, рождение капитализма немислимо без того, что он справедливо называет *первоначальным накоплением*. В главах 26–32 первого тома «Капитала» он показывает, что первоначальное накопление обуславливалось факторами, в которых не было ничего «экономического» и которые никоим образом не зависели от «рынка»: речь идет об изъятиях, мошенничествах и насилии, совершаемых как частным порядком, так и под руководством государства¹⁰. В более недавнем времени аналогичное исследование проводилось – непосредственно на данную тему – Карлом Поланьи в «Великой трансформации».

Прежде чем идти дальше, следует ответить на вопрос о том, какой должна быть адекватная характеристика капиталистического режима. Давно, самое позднее со времен Маркса, известно, что специфику капитализма составляет не просто накопление богатства. Стяжательством занимались многие общества в истории человечества, известны также и попытки латифундистов широко-масштабно применять рабский труд (в частности, в относительно близкую нам эпоху имперского Рима). Но для определения капитализма простой максимизации (богатства, производства) как таковой недостаточно. Маркс уловил суть вопроса, когда в качестве определяющей черты капитализма он постулировал накопление производительных сил вкупе с систематической трансформацией процессов производства и труда и с тем, что он назвал рациональным применением науки к процессу производства. Решающая роль принадлежит не накоплению как таковому, а постоянной трансформации процесса производства, нацеленного на увеличение объемов производимого одновременно со снижением затрат. Эти характеристики и составляют то главное, что Вебер позже назвал «рационализацией», относительно которой он совершенно верно утверждал, что при капитализме она имеет тенденцию распространяться на все сферы жизни общества – в частности, путем расширения империи расчетов. К сказанному Марксом и Вебером Георг Лукач добавил важный анализ овеществления всей порожденной капитализмом общественной жизни.

Почему «рационализация»? Подобно всем порождениям истории, преобладание тенденции к «рационализации» есть в сущности дело случая. Имея отправным моментом нечто другое, мы не смогли бы ни вывести из него рационализацию, ни породить ее. Но мы можем дать ей более подробное описание, связав ее с чем-то более известным, более знакомым, воплощенным в других формах при других типах социальной организации, – с тенденцией к господству. Это позволит нам, в частности, связать ее с одной из наиболее глубинных черт человеческой психики – стремлением к всемогуществу. Но эта тенденция, это стремление к господству, в свою очередь, не есть нечто относящееся исключительно к капитализму; аналогичную тенденцию демонстрируют, например, социальные системы, ориентированные на завоевания. Однако мы можем приблизиться к пониманию специфики капитализма, рассмотрев две

его существенные черты. Первая из них та, что это стремление к господству не просто ориентировано на «иноземные» завоевания, но в той же и даже в большей степени посягает на общество в целом. Достичь господства нужно не только в производстве, но и в сфере потребления и не только в экономике, но и в образовании, праве, политической жизни и т. д. Было бы ошибкой (в духе марксизма) считать эту экспансию чем-то «второстепенным» или инструментальным по сравнению с господством в производственной сфере и в экономике, которую бы следовало считать главным объектом рационализации. Но это лишь одна из сигнификаций социального воображаемого, которое захватывает одну за другой разные сферы общества. Конечно, то, что все «началось» с производства, не является случайностью: именно в производстве технические изменения впервые становятся объектом рационализации доминирующего типа. Но производство не обладает монополией на нее. Между 1594 и 1607 гг. Морис, принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер (статхаудер) Голландии и Зеландии, с помощью своего кузена Вильгельма Луи Иоганна, ввел стандартные правила обращения с мушкетом: эти правила содержат приблизительно сорок точных действий, которые надлежит выполнять мушкетеру для того, чтобы все вместе они могли совершать одинаковые действия в едином ритме. Позже эти правила сформулировал Якоб де Гейн в своем учебнике «Обращение с оружием», изданном в Амстердаме в 1607 г. и сразу же получившем широкое хождение в Европе, а также по приказу царя переведенном для практически неграмотной России¹¹. Второй существенной чертой несомненно является то, что стремление к господству начинает пользоваться новыми средствами достижения своей цели – особыми («рациональными», иначе говоря, «экономическими») средствами. Теперь его средства – уже не магия и не победа в боях, а (так уж случилось) рационализация, обретающая здесь особое, весьма специфическое содержание: максимизация или минимизация, то есть, *экстримизация*, если пользоваться математическими понятиями (максимум и минимум есть два примера «экстримума»). Принимая во внимание эту совокупность фактов, мы получаем возможность охарактеризовать основную сигнификацию социального воображаемого капитализма как стремление к неограниченной экспансии «рационального господства». Ниже я поясню, почему я пользуюсь кавычками.

Эта безграничная экспансия рационального контроля идет рука об руку с несколькими другими общественно-историческими движениями и находит в них свое воплощение. Я хочу говорить не о последствиях капитализма (например, урбанизации и изменениях в характере городов), а скорее о тех факторах, присутствие которых явилось существенным условием его возникновения и развития.

Колоссальное ускорение технического развития, бывшее исторически новым явлением (этот момент, при всей его банальности, нельзя недооценивать). Ускорение обеспечивалось расцветом науки, начавшимся еще до Возрождения, но гораздо сильнее обозначившимся с его наступлением. В новейший период оно преобразовалось в автономное движение технауки. Нельзя недооценить одной частной черты этой технической эволюции: она ориентирована главным образом на сокращении участия человека в производстве, а затем и полного устранения его из производства. Это объяснимо: ведь человек – самый сложный для подчинения объект. Но в то же время это ведет к иррациональностям другого рода, например, несовершенства и сбои в технических системах чреват катастрофическими последствиями.

Рождение и упрочение современного государства. Развитие государства в Западной Европе шло рука об руку с созданием абсолютистского государства, которое питало и облегчало его развитие в ряде отношений. В то же время это централизованное государство бюрократизировалось: «упорядоченная» бюрократическая иерархия заняла место более или менее хаотичных связей времен феодализма. Эта бюрократизация государства и армии составила организационную модель нарождающейся капиталистической бизнес-модели.

В наиболее значимых случаях (Англия, Франция, страна Басков) создание современного государства шло параллельно с формированием современных наций. Таким образом, современное государство конституировалось как сфера нации, сфера, которая и с экономической (национальные и колониальные защищенные рынки, государственные установления), и с юридической (унификация правил и юрисдикций) точки зрения играла существенно важную роль на первой стадии капиталистического развития.

Имела место значительная антропологическая мутация. Любыми правдами или неправдами экономическая мотивация стремилась подменить собой все прочие мотивы. Человек превра-

тился в homo economicus, то есть homo computans. Длительность была поглощена распространенным на все измеримым временем. Центральной фигурой сделался шumpетерианский тип предпринимателя, в ту пору – спекулянт. Различные профессии все более переходили к образу мысли, основанному на расчете и прибыли. В то же время на свет появился и начал свое развитие рабочий класс, которому психологически присуще чувство солидарности, неприятие существующего строя и стремление этот строй оспаривать. На протяжении почти что двух веков он находился в оппозиции к господствующей ментальности, создавая условия для социального конфликта.

Главный факт состоит в том, что рождение и развитие капитализма происходило в рамках общества, в котором конфликт и, в частности, критика существующего строя присутствовали с самого начала. Эта критика, изначально заявлявшая о себе как прото-буржуазное движение, нацеленное на установление независимости общин, что поставило бы под вопрос установленный порядок в условиях, сложившихся в Западной Европе, эта критика в конечном счете стала выражением возврата к античному по своему происхождению стремлению к автономии. Данное стремление было присуще различным типам демократического и рабочего движения. По прошествии начальной стадии развитие капитализма стало немислимым без внутреннего соперничества, получившего решающее значение в качестве неотъемлемого условия его развития, о чем пойдет речь ниже.

Теоретико-идеологические основы капиталистической экономики

То, что теперь принято называть «экономической наукой», служило мишенью столь уничтожающей критики и имело так мало общего с действительностью, что само обращение к данной дисциплине может показаться анахроничным и бесполезным занятием – попыткой травить мертвую собаку. Но как я уже отмечал, идеологическое попятное движение ныне столь интенсивно, а дебри, порожденные этими теориями во многих умах, столь непроходимы, что нам не обойтись здесь без краткого обзора их содержания.

Существовала определенная классическая форма политэкономии, получившая свое завершение у К.Маркса. При этом, как отмечал и сам Маркс, то, что у классиков было серьезной попыткой анализировать новую складывавшуюся социальную действительность, в руках эпигонов Адама Смита и Давида Рикардо сразу же превратилось в дело прославления нового режима. По окончании фазы буржуазной апологетики политэкономия надела математическое облачение, что позволило ей претендовать на «научность». Но постоянные попытки выступать от лица существующего режима, изображая его неизбежным и оптимальным, выдавали идеологический характер также и этой формы политэкономии. Для нас не составит труда показать, что для достижения этого идеологического эффекта достаточно было бы любого из названных достоинств: неизбежное одновременно является и оптимальным – лишнее упоминание об этом способно набить оскомину. Поэтому ограничимся задачей выявления ряда основополагающих постулатов названной идеологии, дабы показать их бессодержательность и отсутствие у них всякой связи с реальностью.

Господствующей здесь является идея *отдельности*, делающая возможной обращение с данной сферой как с самостоятельной. На деле же экономический аспект, как и все вообще аспекты жизни социума, не является ни чем-то отдельным, ни чем-то неразличимо слитым с прочими – ясно, что само представление о сферах, аспектах используется в чисто метафорическом смысле. Что касается экономической деятельности, то действующего внутри нее индивидуума или фирму, конечно же, можно помыслить как сущности, совершенно независимые от других; при этом, однако, все аспекты их деятельности постоянно перекрещиваются с деятельностью неисчислимого множества других индивидуумов и фирм – перекрещиваются многообразными и совершенно неразделимыми способами. Когда какая-то бизнес-структура принимает решения, она делает это в соответствии с «общей атмосферой мнений»; ее решения, сколь бы незначительными они ни были сами по себе, изменяют эту атмосферу. Независимо от желаний самой фирмы ее действия либо облегчают (внешнеэкономическая целесообразность), либо осложняют (внешнеэкономическая нецелесообразность) функционирование других фирм; кроме того, и сама она будет претерпевать положительные или отрицательные воздействия

со стороны других фирм и других факторов общественной жизни. Так что приписывание деятельности какой-либо фирмы определенного экономического результата носит чисто условный, произвольный характер; оно ориентируется на границы, очерченные законом о частной собственности, бытующими условностями и обычаями. Столь же произвольно происходит приписывание тому или иному производственному фактору, будь то «капитал» или «труд», экономической выработки. Капитал (в смысле произведенных средств производства) и труд вместе участвуют в создании продукта, причем ни тот, ни другой не может выделить в этом процессе собственного вклада за исключением самых тривиальных случаев, в которых подобное тоже не просто сделать. То же можно сказать и о различных производственных операциях на фабрике, равно как и о функционировании различных отделов предприятий торговли. Мало того, данное суждение применимо и к «трудовой выработке» любого индивидуума. Никто не в состоянии делать то, что он делает, не будучи погруженным в синергию общественно-го производства, не воплощая своими мыслями и делами аккумулярованного опыта предшествующей истории. Все эти факторы молчаливо принимаются классической политической экономией за «дары истории», но результаты этих даров вполне ощутимы; мы замечаем их, например, при сравнении производительности труда европейского населения с производительностью населения стран, находящихся на докапиталистической стадии¹². Общественный продукт есть результат кооперации коллектива, границы которого расплывчаты. Представление о некоем индивидуальном продукте есть наследие юридической договоренности/института, связанное с первым пришествием «частной собственности». Эти представления – как о разделимости продукта вообще, так и, в частности, о возможности что-либо приписать индивидууму – суть допущения, имплицитные постулатами экономической теории.

Первый из этих постулатов, явно или косвенно присутствующих даже в ее смягченных формах, есть идея «экономического человека». Она распространяется не только на индивидуумов, но также и на организации (организации бизнеса и государства, хотя любопытно, что последнее, кажется, избегает постулата рациональности, характеризующего всех прочих акторов экономической жизни; несомненно, это из-за того, что она нарушается вмешатель-

ством политических факторов. Тот факт, что эти коллективные тела вырабатывают собственные формы отношений, специфические «рациональности» и особенно «иррациональности», не слишком волнует данных теоретиков. Их «экономический человек» отличается уникальной и полной просчитываемостью. Он ведет себя, как компьютер, ежеминутно максимизирующий/минимизирующий результаты собственных действий. Этой картиной легко рассмешить любого, достаточно только с предельной ясностью представить себе последствия подобной фикции: например, что такой человек каждое утро, перед тем как встать с постели, бессознательно перебирает в уме миллиарды возможностей, дабы сделать предстоящий день максимально приятным и минимально неприятным; он сравнивает различные комбинации, так что, спуская ноги с кровати, он уже готов к действию; мало того, он готов пересмотреть результаты сделанных выводов в свете новой поступающей информации. Подобно тому, как тот общий взгляд на капиталистическую систему, которого придерживаются его апологеты, видимо, ничего не знает о ее истории, этнологии и социологии, данный постулат также желает игнорировать психологический, психоаналитический и социологический аспект функционирования групп и организаций. Никто не ограничивает свою деятельность непрестанной максимизацией «пользы», прибылей или минимизацией «вреда», затрат, и никто не захочет так жить. Ни один потребитель не знает и не может знать всей механики рынка, всех достоинств и недостатков товаров. Никто не руководствуется исключительно соображениями пользы или личной «оптимальности по Парето». Каждому приходится делать свой выбор в конкретной наличной среде; на всех влияет реклама и общественное мнение; вкусы каждого отражают массу социальных влияний, с экономической точки зрения более или менее случайных. Это в равной мере касается и решений, принимаемых организациями. Мало того, что управляющая бизнесом бюрократия располагает неполной информацией о предмете и по большей части руководствуется ложными критериями; сами ее решения не являются выводами, основанными на «рациональной» процедуре; она принимает их в соответствии с исходом борьбы кланов и кланов, каждый из которых ведом рядом мотиваций, помимо максимизации ее прибылей – мотива, часто не являющегося самым важным.

Постулат математизации явно дополняет постулат «рационализации», понимаемой в исключительно количественном смысле. Учебники и ученые труды по политической экономии пестрят уравнениями и графиками, почти всегда бессмысленными и годными разве что в качестве простейших упражнений по дифференциальному исчислению и линейной алгебре. У этой бессмысленности несколько причин.

Такая математизация в сущности является количественной (алгебраизированной). Реальная же экономика являет собой парадокс присутствия полного набора качеств, математизировать которые возможно разве что на самом элементарном уровне. У них, конечно, есть физические качества, но они, как известно, разнородны. Их невозможно суммировать или вычитать одно из другого, если только они не копируют друг друга в точности (здесь я не веду речи об инженерном расчете). И тем не менее на рынке или в национальных бухгалтерских балансах они суммируются, будучи представлены в ценовом выражении. Но устанавливаемые этим путем значения имеют смысл лишь в узких понятийных рамках. Их, например, невозможно сопоставлять с показателями другой эпохи или другой страны. Только показатели внутри системы текущих цен поддаются суммированию, они есть «снимок» лишь данного момента с ограниченными смысловыми параметрами. Строго говоря, в сравнении, например, величин национального продукта в различные периоды смысла мало, даже если это близко прилегающие друг к другу периоды: их состав все равно уже изменился, а методы, изобретенные для того, чтобы обойти пресловутую проблему индексирования, не слишком точны. Это не подрывает истинности заявлений типа: «В нынешнем году производство упало по сравнению с предыдущим годом», – но это делает поистине смехотворными соответствующие фиксации изменений, затрагивающие лишь сотые или тысячные доли показателей.

Политическая экономия продолжает считать «капитал» фактором производства, понимая под этим всю совокупность произведенных средств производства. Но по-настоящему измерить эту совокупность невозможно, и вот почему: ее состав разнороден; составляющие ее оценки рыночных цен товаров меняются изо дня в день и зависят от уровня спроса и ожидания прибыльности; на стоимость составляющих ее элементов влияют постоянно вмещи-

вающиеся технические изобретения (новые машины способны совершенно обесцениться, если на рынке появятся более совершенные), также влияет на «стоимость» этих элементов перемена «вкусов» – то есть более или менее устойчивые модификации в структуре потребительского спроса. Все это, конечно, не мешает учебникам по политэкономии и даже нобелевским лауреатам рассуждать о «производственных функциях» и спорить о том, какую форму они должны принять.

В то время как дифференциальное исчисление имеет дело с постоянными величинами, существующие в экономической сфере количества дискретны, независимо от того, имеете ли вы в виду их «физическое» обличье или их стоимость, выраженную в текущих ценах. Производные и дифференциалы, которыми наводнены тексты по экономике, представляют собой насмешку над математикой. Все кривые «маржи», представленной будь то в ценовом выражении или в виде «пользы» и пр., абсолютно бессмысленны. Правда, этот же вопрос об основополагающих принципах возникает и в квантовой физике: здесь дифференциальное исчисление используется, несмотря на предполагаемо дискретный характер, присущий подструктурам. Тем не менее доступная наблюдению реальность является достаточно «псевдоконтинуальной» для того, чтобы служить оправданием для подобного обращения с собой; в пользу этого вывода свидетельствует научная эффективность используемых в физике методов. Это же относится и к уравнениям статистической термодинамики. Точки предполагаемой кривой допускают «интерполяцию» их на уровень носителей значений, доступных для крайне подробного наблюдения, и благодаря этому становится возможным вычисление некой производной. Но график, на котором нам дано установить далеко не все точки, не может быть объектом математического анализа. Это относится ко всем сферам экономики, но в особенности – к капиталу и производству. Вот впечатляющий пример (он ни в коей мере не исключителен): авиакомпания, желая увеличить пассажиропоток, может сделать это только через покупку оборудования, любая единица которого стоит не менее десяти миллионов долларов.

Все это позволяет сказать, что в экономике понятие *функции* не обладает необходимой достоверностью. Понятие функции предполагает наличие закономерности, устанавливающей совер-

шенно жесткую привязку одного или нескольких значений независимой переменной к одному или нескольким значениям зависимой переменной. Но даже в случае измеримости этих переменных остается тот факт, что подобных жестких зависимостей в экономике не существует. Конечно, в ней есть масса относительных зависимостей; без них было бы невозможно реальное функционирование экономики. Однако правильная оценка этих зависимостей и их адекватное применение экономическими акторами – дело в основном практического искусства, а не науки. Можно с известной долей уверенности утверждать, что если потребность в товаре увеличивается относительно более или менее неизменного предложения, то цена на товар будет расти. Но было бы нелепостью пытаться вычислить размеры этого роста математически. Аналогичным образом увеличение спроса в общем и целом порождает рост производства. Но конкретное распределение покупательной силы дополнительного спроса в условиях взаимодействия повышения цены и повышения и увеличением предложения в сфере производства зависит от сонма не поддающихся измерению и вообще анализу факторов: например, от степени монополизации отрасли, от того, оценят ли различные фирмы данный взлет спроса как преходящий или как устойчивый, и т. п. Да и саму возможность увеличения предложения в сфере производства в подобном случае нельзя определить *a priori*. **Определить производительность постоянного капитала с точностью возможно только в малом количестве отраслей (например, в производстве доменных печей).** В большинстве производственных отраслей эта производительность будет колебаться в зависимости от 1–3 факторов, от того, возможно ли введение на данном производстве работы в одну, две или три смены. Степень, в которой возможно использовать постоянный капитал, бывает разной; это же (хотя и в меньшей мере) можно сказать о том, с какой интенсивностью возможно эксплуатировать рабочую силу. И вообще, говорить о «законах» в экономике значит называть вещи не своими именами. Исключения составляют здесь те немногие тривиальные вещи, которые сами по себе и не подлежат строгому количественному анализу. Даже на незначительном временном отрезке, даже в аспекте экономической «статики» состояние системы и ее эволюция в основном зависят от действий и реакций индивидуумов, групп и классов, не будучи подчинены стро-

гому детерминизму. Еще в большей степени сказанное относится к средне- и долгосрочной эволюции, а она отчасти зависит от темпов и содержания технологического прогресса, который непредсказуем по самой своей сути. Если бы технологические изменения были предсказуемы, их, как заметила Джоан Робинсон в 1951 г., можно было бы осуществлять одним махом¹³. Эволюция технологий определяется, с одной стороны, отношением групп бизнеса, будучи мотивируема, помимо прочих «иррациональных» факторов, их ожиданиями, правильность которых никогда не гарантирована. С другой стороны, она определяется поведением трудящихся масс, предугадать которое так же трудно (например, расположенность выдвигать требования, равно как и успешность этого предприятия, зависит от психологических, политических и других факторов).

И последнее: основные аргументы [*l'essentiel des raisonnements*] академических экономистов касаются изучения положения «равновесия» и условий возможности такового. Одержимость идеей «равновесия» имеет два корня, оба из которых носят идеологический характер. Состоянию равновесия отдается предпочтение потому, что только оно допускает детерминацию и единодушие в решениях: в этом случае системы парных уравнений создают видимость строгой научности. В то же время равновесие всегда изображается в виде эквивалента «оптимизированных» ситуаций («очистка» рынков, полная занятость на предприятиях, полное удовлетворение потребителей и т. д.). В результате вплоть до 30-х гг. XX в. постоянная разбалансированность (она же катастрофическое или неоптимизированное «равновесие», «равновесие» монополистических или олигополистических рынков, предполагающее сверхэксплуатацию потребителей, или «равновесие» неполной занятости) обычно маскировалась или упоминалась между делом. Некто Артур Сесил Пигу преуспел даже в изображении случаев массовой неполной занятости в качестве относительно успешных состояний «равновесия», поясняя, что на деле безработные «сами ушли с рынка» в знак несогласия с постоянным падением уровня оплаты их труда и для того, чтобы найти другую работу. Подобные глупости процветают по сей день в виде утверждений, что уничтожить безработицу в Европе можно будет лишь в том случае, если «предложение труда» станет более «гибким», иначе говоря, если рабочие смирятся с урезанием зарплат и пособий. Но капита-

листической экономике присуще движение от одного дисбаланса к другому, в результате чего ожидания становятся беспочвенными, а сиюминутный спрос – находящимся во власти «пережитков» (Джоан Робинсон).

Подлинная реальность капиталистической экономики

- *Вопрос в том, – сказала Алиса, – как сделать, чтобы слова означали так много разных вещей.*
- *Вопрос лишь в том, кто из нас здесь хозяин,*
- *сказал Шалтай-Болтай, – вот в чем вопрос!*¹⁴

В течение долгого времени новая «экономическая наука» занималась только факторами, определяющими стоимость отдельных товаров в условиях статичного равновесия. Экономисты верили или притворялись верящими, что те же факторы, которые определяют «идеальную» стоимость товара при «идеальных» условиях (идеальной конкуренции и т. д.), определяют и все цены, включая «цену труда» и «стоимость капитала», которые в свою очередь детерминируют все, что является важным в экономике: ее глобальный баланс, распределение национального дохода, распределение производственных ресурсов между различными категориями потребителей, а также и ее долгосрочное развитие, хотя последний вопрос оставался непроясненным. Предполагалось, что все это с небольшими коррективами можно вывести из кривой стоимости и маржи, которые («доказать» это не составляло особого труда) всегда пересекаются в оптимальных точках «равновесия». Эту науку мало смущало то, что основной чертой капитализма является скачкообразное и бурное изменение экономики и общества, а значит, и непрекращающееся воспроизводство их прерывистого развития.

Этот мотив не устают напевать *sotto voce* (полушёпотом – итал.) нынешние экономисты-академики, но никто уже, кажется, не воспринимает его всерьез. Без сомнения, мы обязаны этим тому, что идеальная конкуренция является фикцией, эта чистая и идеальная или совершенно идеальная конкуренция рассеивается, как облако дыма (к этому я вернусь ниже), и даже на бумаге невозможно перейти от реальности олигополистических рынков к общим «балансам», оптимизирующим не иное, как прибыли олигополий

или, точнее, руководящих ими кланов. Мало того, *действительная* глобализация капиталистического производства с явленными ею колоссальными различиями условий производства, существующих, с одной стороны, в странах ранней индустриализации, а с другой – во «вновь возникающих» странах, делает смехотворными любые попытки заявлять о существовании даже приблизительной рыночной гомогенности «факторов производства» в общепланетарном масштабе.

Для стадии «классического» капитализма, т. е. приблизительно до 1975 г., три группы проблем представляли интерес для любого экономического анализа, который хотел бы сохранить убедительность в описании реальности и тех аспектов экономики, которые важны для нынешнего состояния общества и его дальнейшего развития. Первая группа, отчетливо обрисованная Риккардо и повторенная Марксом, – это проблемы распределения социального продукта («национального дохода»). Она серьезно влияет на распределение ресурсов между отраслями («секторами») производства. Вторая группа проблем касается соотношения между доступными производственными ресурсами («капиталом» и трудом) и реальным социальным спросом; от этого соотношения зависит, будет ли использование этих ресурсов полным или частичным. Эта группа проблем тесно связана с третьей, затрагивающей эволюцию экономики, т. е. действительный или желаемый рост производства. Все три группы тесно взаимосвязаны, поскольку, например, распределение дохода есть главный фактор, который регулирует распределение ресурсов, а оно в свою очередь играет ключевую роль в определении как количества, так и содержания инвестирования, а следовательно, в дальнейшем развитии экономики.

Если пренебречь деталями и качественным своеобразием отдельных случаев, а также для начала абстрагироваться от внешней торговли (например, предположить, что мировая экономика является почти гомогенной), то ответ на вопрос будет удивительно простым. Распределение доходов между социальными классами и между группами внутри этих классов зависит главным образом от соотношения сил между ними. Скажем, в первом приближении это распределение регулирует перераспределение ресурсов между потреблением и инвестициями. Грубо говоря, трудящиеся заработанное потребляют, а собственники тратят

заработанное. Они потребляют лишь меньшую часть своего дохода, а большую инвестируют или нет, и в этом случае она пропадает даром, и тогда возникает ситуация неполной занятости. Этим же детерминируется распределение инвестиций между промышленностью, производящей товары потребления, и промышленностью, производящей средства производства. «Общий баланс» – приблизительное равновесие между возможностью предложения свободного капитала или свободной рабочей силы и действительным, т. е. платежеспособным спросом – прежде всего зависит от количества инвестиций. Если считать заданной совокупную сумму заработной платы и доходов, пускаемых имущими классами на потребление, равновесие будет достигнуто только в том случае, если предприятия будут инвестировать примерно столько средств, сколько требуется для занятия производственных мощностей отраслей, производящих средства производства. Никаких препятствий к этому нет, но и гарантий тоже нет. Поведение предприятий зависит от множества факторов, главный из которых – ожидаемый производителем спрос на производимый продукт¹⁵. Касательно же этих ожиданий трудно давать какие-либо прогнозы и делать общие заключения. Отсюда периодически повторяющиеся колебания уровня активности и «непредвиденности», которые могут перерастать в настоящие депрессии или фазы галолирующей инфляции. Если в первом приближении рассматривать как практически неизменные ритмы технического прогресса, которые также повышают производительность труда, то те же ожидания и обусловленный ими уровень инвестиций будет определять рост экономики и на более длительный период. В этом случае на то, в каком направлении изменяются ожидания, будет оказывать сильное влияние весь прошлый опыт капиталистической экономики, который в целом является экспансионистским. Поэтому мы и получаем «долгосрочную» тенденцию роста, но одновременно и значительную долю неопределенности, присутствующей в каждый отдельный момент для каждого отдельного предприятия, что в сочетании с отдаленными воздействиями на имеющийся постоянный капитал предшествующих флуктуаций исключает саму возможность долгосрочного, взвешенного и устойчивого развития. Этот общий план может и должен быть точно дополнен рассмотрением других факторов (нарастание или

замедление технического прогресса, изменения в демографическом развитии, открытие новых, ранее не использованных географических зон и т. д.).

Ничто из вышесказанного не позволяет говорить ни об устойчивом развитии, ни об уровне экономического роста или оптимальном уровне производства, ни о максимизации социальной пользы, ни о вознаграждении за труд, которое соответствовало бы «марже», ни о естественной норме прибыли, ни о процентах, равно как и о прочих купидонах и нимфах, населяющих учебники по экономике. В частности, доход компаний не определяется «предельной стоимостью» их продукции, которая в обычное время фиксирует только нижнюю границу цены сбыта, а той ценой, которую они могут получить (навязывать, вымогать), исходя из наличного уровня спроса. Один только этот факт делает неуместными любые рассуждения о «рациональности» распределения ресурсов в экономике.

Приведем некоторые факты, наглядно демонстрирующие, что входит в понятие экономической «рациональности» при капитализме:

– каждая компания прежде всего осуществляет инвестиции в свой собственный сектор производства, а не в тот, где можно получить «спекулятивно большой» и, следовательно, «социально предпочтительный» доход. Если она рискует осуществлять инвестиции в другой сектор, то делает это потому, что предвидит там *оцутимо* высокую норму прибыли;

– почти все компании коммерческого сектора существуют в состоянии олигополии, а не конкуренции, если речь не идет о монополии или сговоре производителей в той или иной форме;

– данный факт превращает понятие «товара» как однородного продукта или «сектора» как совокупности фирм, производящих «один и тот же продукт», в набор невнятных представлений;

– решение компаний об инвестициях или отказе от них, о повышении или понижении стоимости продукции всегда опирается на неполную и искаженную информацию; в крупных компаниях такие решения являются результатом внутренних сражений между «экспертами» и бюрократическими кланами, а не процедуры рационального «принятия решений», как утверждает Герберт Александр Саймон и др.. Они в высшей степени пристрастны, т. к. служат цели сохранения руководящей команды, как это показал Робин Мэррис в своих работах 1960 гг.:

– вследствие бюрократизации компании и сопротивления трудящихся¹⁶, положение в самих компаниях обладает той или иной степенью непрозрачности для ее руководителей;

– «рынок капитала» (и кредита) является абсолютно «несовершенным» из-за того, что имеющиеся в наличии фонды, как уже говорилось, направляются преимущественно туда, где они были получены, из-за неопределенности с заемщиками, а также из-за сильной взаимозависимости, существующей между банками и промышленностью;

– на основании сказанного в предшествующем пункте мы можем заключить, что «капитал» как возможность распоряжения производительными ресурсами и, в частности, трудом других людей частично отделен от собственности или владения ценными бумагами. Главное здесь – возможность *доступа* к этим ресурсам, которая может быть обеспечена и другими путями (например, через банковский кредит);

– «оценка» существующих на рынке предприятий дает некую вымышленную стоимость, ибо она зависит от ожидания относительно их будущей прибыльности и прогноза «средней нормы» прибыли;

– производство и до определенной степени рынок занятости изобилует случаями, когда доходы гарантируются рентами ситуации;

– частная собственность на землю порождает абсолютную земельную ренту (Маркс), которая не имеет и не может иметь никакого экономического обоснования;

– рабочая сила не является товаром. Ее производство и воспроизводство не регулируется и не может регулироваться «рынком»¹⁷;

– действительная производительность труда (или действительное отношение получаемого вознаграждения к физическому продукту) в значительной степени является неопределенной.

В настоящий период развития капитализма, т. е. примерно в последнюю четверть XX в., эти положения были верными, однако новые факторы перевернули общую перспективу. Так, современная глобализация в сфере производства, ставшая возможной вследствие новаций, имеющих как технологический (речь идет, говоря кратко, о почти полном, с количественной точки зрения, уничтожении доли квалифицированного труда в материальном производстве, что отдало во власть мирового капитала миллиарды

голодных людей во всех частях мира), так и политический («разрушение» правительств в экономической политике, в частности, всеобщая либерализация мировых финансовых потоков) характер, – эта глобализация имеет следствием тот на первый взгляд парадоксальный факт, что разрушение гомогенности экономических условий производства обрело общемировой масштаб как раз в период формирования настоящего всемирного рынка. В подобной ситуации смехотворными становятся любые рассуждения о детерминации стоимости или чего-то другого, включая капиталистическую прибыль, «рациональными» факторами. Я вернусь к этому в заключении.

Относительная производительность, гибкость и сопротивление капитализму

Лучшее оправдание капитализма предложил в конце своей жизни Шумпетер в работе «Капитализм, социализм, демократия». Как резюмировала Джоан Робинсон, «система эта, конечно, жесткая, несправедлива, беспокойна, но она производит товар, и хватит уже возмущаться, ведь товар – это именно то, что вам нужно»¹⁸.

Здесь также налицо тавтологическое обоснование. В «богатых» странах люди «хотят» этот товар, потому что они с самого раннего возраста приучаются к тому, чтобы его желать (зайдите сегодня в любую начальную школу), и потому еще, что режим находит тысячу и один способ помешать им желать что бы то ни было другое. И пусть не капитализм изобрел то, что существует во всех странах и зовется силой примера, – именно он вознес власть примера на невиданную доселе высоту. В настоящее время капитализм так или иначе обеспечивает нас товарами. Спор должен на этом прекратиться: до тех пор, пока люди будут стремиться к накоплению баракла, накоплению все более и более бездумному, накоплению, которым занято все больше людей, накоплению, которое в один прекрасный день приведет или не приведет их к пресыщению, – до тех пор ситуация не изменится.

Однако остается несколько вопросов. До каких пределов доходит и на что опирается эта «эффективность» капитализма, несмотря на все ее ограничения? Почему режим смог выжить в череде

долгих кризисов и превратностей истории и выйти из них окрепшим, по крайней мере, до определенного момента? Что представляют собой изменения, порожденные новой фазой его развития?

Ответ на первый вопрос не так уж и сложен. Капитализм – это режим, который всеми силами стремится наращивать производство (не будем забывать: это определенный тип производства) и всеми средствами сокращать свои «издержки», а в число их, опять-таки не забудем, он включает далеко не все: ни разрушение окружающей среды, ни превращение человеческой жизни в нечто плоское и одномерное, ни уродование городов, ни повсеместное воцарение безответственности и цинизма, ни вытеснение искусства трагедии, равно как и традиций народных праздников телевизионными сериалами не принимаются во внимание в этой калькуляции и не смогли бы учитываться ни в какой калькуляции вообще. Для реализации своей цели капитализм имел свое ноу-хау, он сумел сделать ставку на беспрецедентное развитие технологий, которому всячески способствовал. И хотя технологии обладают узкой направленностью, они соответствуют поставленным целям: власть для высших слоев, массовое потребление для большинства из тех, кто внизу, обесмысливание труда, уничтожению человеческого в человеке как участнике производства. Но самым чудовищным из используемых средств стало разрушение всех предшествующих социальных различий и зарождение во всех или почти во всех душах страсти к приобретательству, распространяющейся практически на все, что представляется доступным. Эта серьезнейшая антропологическая мутация может быть истолкована и понята, но «объяснения» ей найти невозможно.

Начиная с определенного момента, а вовсе не с самого начала к этим средствам добавилось и преобразование самого древнего институционального механизма, каковым является рынок: он был освобожден ото всех пут и постепенно распространил свое влияние на все сферы социальной жизни. В этом виде рынок не является, никогда не был и не будет – до тех пор, пока существует капитализм, – «совершенным рынком ни даже тем рынком свободной конкуренции, о котором пишут благочестивые учебники по политической экономике. Его всегда отличали массивные вмешательства государственной власти, коалиции капиталистов, в нем практикуется сокрытие информации, манипулирование по-

требителями и открытое или тайное насилие над трудящимися. Он немногим отличается от обычных джунглей: в нем, как в любых джунглях, выжили и выживают наиболее приспособленные – разница лишь в том, что этой способности к выживанию не соответствует ни какой-либо социальный оптимум, ни даже максимум производства, поскольку производство ограничено концентрацией капитала, олигополиями и монополиями, не говоря уже об иррациональном ассигновании ресурсов, неиспользованных мощностях и постоянных конфликтах на рабочем месте. Но, несмотря на свои взлеты и падения, резкие подъемы и крушения, капитализм художественно функционировал в своих границах и сообразно своим целям.

Ответ на второй вопрос, если таковой вообще имеется, более трудный и сложный. Он по сути своей парадоксален. Сама по себе минимизация затрат логически подразумевает наивозможно низкую заработную плату при самой высокой производительности труда. Именно на эту ситуацию спонтанно ориентировался капитализм первой половины XIX в, и именно эту логику развил Маркс в своей концепции пауперизации и перепроизводства. Этой тенденции противодействовала борьба трудящихся, добившихся повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, что и создало огромный внутренний рынок потребления, избавив капитализм от опасности утонуть в собственной [невостребованной – *Пер.*] продукции. Мы также видели (это известно, это можно доказать, что и было сделано Кейнсом), что капиталистическая система, будучи предоставлена самой себе, спонтанно идет не к «равновесию», каким бы приблизительным оно ни было, а, скорее, к чередованию фаз экспансии и «сокращения», экономических кризисов, самые тяжелые из которых способны породить и порождали значительные разрушения накопленных богатств и головокружительную безработицу (30% рабочей силы в США в 1933 г.). И здесь также, прежде всего именно в США, общественная и политическая реакция на произошедшее, начиная с 1933 г., навязала стране новую политику государственного вмешательства в экономику.

В обоих случаях – как в случае распределения общественного продукта, так и в случае укрепления роли государства – влиятельные капиталистические, банковские и академические круги яростно боролись с этой безумной инновацией, которая могла привести к «концу света». В течение долгого времени руководители произ-

водств не ограничивались требованиями военного вмешательства против бастующих рабочих (такое и на деле предпринималось); они провозглашали, что не могут пойти на повышение заработной платы или уменьшение рабочего дня, поскольку эти меры способны привести к разрушению предприятий и общества в целом, и они всегда находили профессоров экономики, готовых им поддакивать. В 1932 г. Руеф, этот герой французской политической экономии, организовал «дефляцию Лавалья». В это же время по другую сторону Ла Манша Государственное казначейство и Банк Англии выработывали меморандумы, объясняющие, что организация общественных работ с целью поддержания платежеспособного спроса приведет к экономической катастрофе.

Только после Второй мировой войны предприниматели и экономисты-академики смирились с более или менее регулярным повышением зарплат и государственным регулированием всеобщего спроса. Результатом явилась почти непрерывная эпоха продолжительного роста капиталистической экономики («славное тридцатилетие», как его называли французы). В 1960-е гг. совершенно отчетливо проявилось то, что Калецкий предвидел в 1943 г., – все усиливающаяся борьба за увеличение заработной платы и как следствие рост цен. Ничто не указывает на то, что эта борьба не могла бы быть смягчена проведением умеренной политики. Но здесь вступил в игру чисто политический фактор. Ситуация умеренной инфляции дала сигнал и создала прецедент для реакционного контрнаступления (Тэтчер, Рейган), своего рода консервативной контрреволюции, которая за пятнадцать лет распространилась по всей планете. В политическом плане это контрнаступление использовало банкротство традиционных «левых» партий, резкое снижение роли профсоюзов, одиозность режимов «реального социализма», ставшую очевидной для всех еще до его крушения, апатию и массовый уход населения в сферу приватной жизни, растущее раздражение людей по поводу гипертрофии государственной бюрократии и чинимых ею нелепостей. За исключением последнего, все эти факторы прямо или косвенно отражают кризис социально-исторического проекта развития индивидуальной и коллективной автономии. Порожденные им масштабные нарушения в равновесии социальных сил создали возможность возврата к тому, что на языке европейских защитников консерва-

тивной идеологии называется грубым и неразборчивым «либерализмом», выгоду от которого получили в основном, конечно же, крупные промышленные, финансовые и управляющие компании и возглавляющие их группы. Но такой «либерализм» далеко выходит за рамки их политической роли; во Франции, в Испании, в большинстве северных стран миссию введения и насаждения или поддержания (как в Великобритании) неолиберализма взяли на себя так называемые социалистические партии. Мы имеем здесь дело с открытым триумфом капиталистического, вообразаемого в его самых грубых формах.

Это вообразаемое материализовалось главным образом через разрушение роли государства в области экономики. Международное движение капиталов стало свободно от всякого контроля; фетишизм бюджетного баланса блокирует любую политику регулирования спроса; денежная политика полностью переходит в руки центрального банка, единственной заботой которого является борьба против отныне отсутствующей инфляции. В результате на протяжении пятнадцати лет (с начала 1980-х гг.) безработица поддерживается на неизменно высоком уровне; там же, где безработица идет на спад, как в США и Великобритании, это достигается ценой увеличения частичной занятости или низкооплачиваемых видов труда, а также замораживанием и уменьшением реальной заработной платы, параллельно с продолжающимся ростом прибыли фирм и доходов богатых классов. Наступление на достигнутые ранее трудящимися завоевания и высокие зарплаты, возможность которого появилась в условиях роста безработицы и нестабильности найма, оправдывалось в духе откровенного шантажа: сокращение производственных затрат требовалось якобы для того, чтобы противостоять конкуренции извне или чтобы избежать экспорта предприятий. Можно подумать, что сокращение на несколько процентов заработной платы во Франции или Германии достаточно для победы в конкурентной борьбе с продукцией стран, в которых заработная плата составляет половину или двадцатую часть от нашей (2,5 доллара, т. е. 15 франков в день для рабочих «Nike» в подземной тюрьме, которую имеет эта фирма в Индонезии, а во Вьетнаме и того меньше). Никакая «гибкая система организации труда» в развитых индустриальных странах не сможет составить конкуренции практике нищенской оплаты труда в странах, обла-

дающих неистощимыми резервными армиями рабочей силы. Сотни миллионов потенциальных работников и работниц, мобильных и практически не требующих никакой профессиональной подготовки, имеются в Китае, столько же в Индии, почти столько же в других азиатских странах, не говоря уже о Латинской Америке, Африке и Восточной Европе. Смешно предполагать, будто гладкий транзит способен привести страны, имеющие столь различные стартовые условия, к гармоничному состоянию международного разделения труда. Мы участники фазы грубого, жестокого перехода к более масштабным событиям и за сроки, более короткие, чем все предшествующие переходные периоды в истории капитализма. Кое-кто пытается оправдать этот переход абсурдным утверждением, что этот поворот якобы неизбежен, что никакая политика не способна сопротивляться Джаггернауту экономики в нынешней стадии ее эволюции.

В таких обстоятельствах бесполезно обсуждать какую бы то ни было «рациональность» капитализма. Режим сам отверг некоторые из тех средств контроля, которые удавалось навязывать ему в предшествующие сто пятьдесят лет политической, социальной и идеологической борьбы. Беззаконие (*аномия*) господства хищных «баронов» от промышленности и финансов в США конца прошлого века – это лишь бледный прецедент такого положения дел. Транснациональные компании, финансовые спекулянты, а также мафия в строгом смысле слова грабят планету, вдохновляемые краткосрочной перспективой получения прибыли. Повторяются провалы всех попыток сохранить окружающую среду от влияния индустриализации, как цивилизованной, так и дикой, что является лишь наиболее ярким примером их близорукости. На современную политику никак не влияет перспектива ужасающих последствий, коими чревата «модернизация» других четырех пятых планеты¹⁹.

Благоую перспективу олицетворяет не всеобщий «экономический кризис» капитализма в традиционном его понимании. В абстракции капитализм (международные компании) смог бы развиваться и развиваться до скончания времен. Это предполагало бы, помимо прочего, что крах старых промышленно развитых стран (в Европе в частности) и выход из их тысячелетней спячки миллиардов человек из неиндустриального мира, и их восхождение в техногенное, урбанистическое общество, основанное на наемном

труде, могли бы произойти без серьезных социальных и политических потрясений. Это одна из возможных перспектив. Но нет уверенности в том, что она будет наиболее вероятной.

Максимум, на что способен анализ, это поставить вопросы подобного рода. Ответ на них будет зависеть от реакции и действий населения тех стран, о которых мы только что говорили.

(сентябрь 1996 – август 1997)

Перевод И.И.Мюрберг и И.В.Нежельской

Примечания

- ¹ Статья «La 'rationalité' du capitalisme» (Revue internationale de psychosociologie. La Résistible Emprise de la rationalité instrumentale. 4:8 (Autumn 1997). P. 31–51) первоначально была представлена в качестве доклада на конференции CIRFIP «Инструментальная рациональность и общество» в октябре 1996 г. и называлась «Notes pour servir à une critique de la 'rationalité' du capitalisme.» (Замечания к критике рациональности капитализма). Настоящий вариант, представляющий собой значительно расширенную и переработанную версию, во многом обязан своим появлением моему другу Вассилису Гондикасу. Разумеется, за все возможные недостатки и неточности ответственность несу я сам. (Аббревиатура «CIRFIP» означает Centre International de recherche, formation et intervention psychosociologiques – Международный центр психосоциологии (исследования, подготовка кадров и лечение). Центр был основан Касториadisом и его другом Юджином Энрикесом. – *Ред.*)
- ² См. мою работу 1974 г.: *Castoriadis K. Réflexions sur le “développement” et la “rationalité” // Domaines de l’homme. Les Carrefours du labyrinthe II. P., 1984, особенно § 4: Фикция экономической «рациональности».*
- ³ См. мою работу: *Castoriadis K. Pouvoir, politique, autonomie // Le Monde moralisé. P., 1988. P. 113–140.*
- ⁴ (1) Анри Дезире Ландрю был знаменитым французским серийным убийцей, приговоренным и казненным за убийство одиноких богатых женщин; история его жизни была положена в основание сюжета фильма «Месье Верду», сценарий и режиссура которого принадлежит Чарли Чаплину. В 1962 г. Клод Шаброль снял фильм «Ландрю», известный англоязычной аудитории как «Синяя Борода». (2) Афера Стависки середины 30-х гг. XX в. – случай со знаменитым мошенником Сержем Александром Стависки, умершим при загадочных обстоятельствах после того, как общественности стало известно, что он продавал обесцененные облигации. Жорж Сепрен по сценарию Алена Ресне снял в 1974 г. фильм «Стависки». – *Ред.*
- ⁵ *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 142.

- ⁶ См.: *Lord [Lionel] Robbins. An Essay on the Nature and the Significance of Economic Science. L.–Basingstoke, 1981.*
- ⁷ См. мою работу: *Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003. Разд. См. также упоминаемую в прим. 1 работу «Reflections on 'Rationality' and 'Development'.*
- ⁸ *Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago, 1972.*
- ⁹ *Gurevich A. Categories of Medieval Culture / Trans. G.L.Campbell. Boston–L., 1985.*
- ¹⁰ Мы «вживую» и in *anima vili* познакомились ныне с новым, мафиозным «первоначальным накоплением», осуществляемым через приватизацию в бывших коммунистических странах.
- ¹¹ См.: *McNeill W.H. Keeping Together in Time. Cambridge (MA), 1995,* а также обзор: *Keegan J. Keeping in Time: The Rise of Foot Drill and the Decline of the Minuet // Times Literary Supplement. 1996. July 12. 3 and 6; September 6, 17.*
- ¹² В *Réflexions sur le “développement” et la “rationalité”* я отмечал, что уже и чиновники, отвечающие за «политику развития», начинают осознать, что «препятствия к развитию» находятся на более глубинном уровне, нежели нехватка капитала или технических навыков. Этот факт отражен, например, в официальных докладах Всемирного банка, но на теоретиков экономики он не оказал никакого влияния. А между тем даже серьезные чиновники от политики продолжают наткаться на подобные факты. В недавней речи президента Федерального резервного фонда США Алана Гринспена прозвучала мысль о том, что развитие капитализма было бы невозможно в этой стране без реализации определенных «культурных» предпосылок к тому. Уильям Пфафф (*Pfaff W. Genuflecting at the Altar of Market Economics // International Herald Tribune. 1997. July 14: 8*) цитирует высказывание Гринспена, в котором говорится, что после 1989 г.(!) он обнаружил, что «многое из того, что он считал само собой разумеющимся, отвечающим человеческой природе в нашей системе свободного рынка, оказалось вовсе не природным, а культурным фактором. Вопреки мнению некоторых, устранение из экономики функции централизованного планирования не ведет к автоматическому установлению» рыночного капитализма.
- ¹³ «Если бы будущие инновации можно было бы предвидеть во всех деталях, осуществление их происходило бы за один мах» (*Robinson J. The Rate of Interest and Other Essays. L., 1952. P. 56*). Этот же аргумент использует Карл Поппер в своих поздних работах, также желая подчеркнуть непредсказуемый характер технического прогресса.
- ¹⁴ *Carroll L. Alice in Wonderland // Authoritative Texts of Alice’s Adventures in Wonderland, Through the Looking-Glass, The Hunting of the Snark; Backgrounds, Essays in Criticism / Ed. J.Donald Gray. 2nd ed. N.Y.–L., 1992. P. 57.*
- ¹⁵ Кейнс добавлял к этому стоимость инвестиций, измеряемую в соответствии с процентной ставкой. Но в интересующем нас диапазоне решающее значение имеет не столько процентная ставка, сколько вообще перспективы получения прибыли и в особенности асимметричность порождаемых этим результатов. Центробанки могут загасить экспансию с помощью необходимого пониже-

ния процентных ставок, но с меньшей легкостью способны стимулировать ее, если вообще они на это способны. Взгляните на многочисленные примеры тому, начиная с 1945 г., да и сейчас (в 1997 г.) о том же говорит ситуация в Германии, во Франции и особенно в Японии. Реальные процентные ставки во Франции и в Германии уже на самом низком уровне, тогда как в Японии учетные ставки равны 0,5 %, а доходы по облигациям ниже 2 %.

¹⁶ См. мой текст «О содержании социализма, III» («Sur le contenu du socialisme, III». 1958), опубликованный сейчас в «Опыте рабочего движения» («L'Expérience du mouvement ouvrier». Vol. 2. Ed. 10/18. 1974).

¹⁷ Я неоднократно обращался к этому положению: в «Динамике социализма» («Sur la dynamique du capitalisme») «Социализм или варварство» («Socialisme ou barbarie». № 12. 1953); «Революционное движение при современном капитализме» (1960), повторил в «Современном капитализме и революции» («Capitalisme moderne et révolution, à nous». Vol. 2. Ed. 10/18. 1979); «Стоимость, равенство, правосудие, политика: от Маркса до Аристотеля и от Аристотеля до нас» («Valeur, égalité, justice, politique: de Marx à d'Aristote à nous». 1975), повторил в «Перекрестках лабиринта» («La Carrefours du labyrinthe». Le Seuil, 1978).

¹⁸ *Robinson J.* Economic Philosophy. Harmondsworth, 1962. P. 130.

¹⁹ Я упоминал о предвидимых последствиях индустриализации «слабо развитых» стран в своем тексте 1974, приведенном в сноске № 2, и, без сомнения, в этом я не был первым.